

Запрещённые профессии для женщин: новый повод для диалога Конституционного Суда России и Комитета ООН?

Дмитрий Бартенев*

В 2016 году Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин вынес решение (соображения) по первому делу против России (*Светлана Медведева против России*). Комитет ООН подверг критике список запрещённых профессий для женщин, несмотря на обоснование его существования необходимостью защиты женщин от вредных условий труда. В свете этого решения в статье обсуждается соотношение подходов Комитета ООН и Конституционного Суда Российской Федерации к пониманию дискриминации в отношении женщин. По мнению автора, толкование Конституционным Судом России антидискриминационных гарантий Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин не учитывает объект и цели данной конвенции, что приводит к обоснованию неверных выводов, основанных на патерналистском подходе к роли женщины в современном обществе. Несмотря на очевидное противоречие между позициями Конституционного Суда и Комитета ООН, обосновывается вывод о возможности реализации в российской правовой системе решения Комитета ООН посредством прогрессивного толкования Конституционным Судом конституционных гарантий равенства полов с учетом современных стандартов прав человека.

DOI: 10.21128/2226-2059-2016-3-37-47

→ *Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин; равенство; дискриминация по признаку пола; право на труд*

1. Введение

Дискриминация женщин, как правило, означает формальное или фактическое неравенство, выражающееся в их менее благоприятном, по сравнению с мужчинами, положении. Случаи очевидной дискриминации редко становятся предметом судебной проверки, во всяком случае в российской практике, хотя они регулярно описываются правозащитными организациями¹. Однако гораздо более сложными являются ситуации, когда женщины сталкиваются с ограничениями, в основе которых лежит стремление оградить их от тягот «мужской» работы. Сама риторика

дискриминации, то есть оспаривание таких ограничений как неоправданной разницы в обращении, кажется в таких ситуациях неуместной, ибо речь идёт о защитных мерах во благо женщин.

Однако именно такой вопрос был впервые поставлен перед Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин в жалобе, поданной против России. Заявительница в этом деле Светлана Медведева в 2005 году закончила речной техникум по специальности судоводителя в Самарской области, после чего устроилась в речное пассажирское предприятие матросом, а через несколько лет получила должность механика и первого штурмана. Когда в 2012 году она решила стать капитаном (мотористом-рулевым), предприятие сначала одобрило её кандидатуру, однако позднее ей было отказано в трудоустройстве, так как выбранная ею профессия входит в список запрещённых для женщин. Заявительница оспорила отказ в трудоустрой-

* Бартенев Дмитрий Геннадиевич — кандидат юридических наук, адвокат, преподаватель кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: d.bartenev@spbu.ru).

¹ См.: Бацвин Н. Анализ судебной практики по делам, связанным с дискриминацией на работе // Трудовое право. 2013. № 4. С. 19—38.

ройстве в суде, добиваясь понуждения компании создать ей безопасные условия труда. Отказывая в удовлетворении её требований, суды ссылались на то, что установленное ограничение защищает саму заявительницу от вредного воздействия производственных факторов, при этом работодатель не обязан создавать безопасные условия труда каждый раз, когда на работу устраивается женщина.

Не согласившись с таким подходом, С. Медведева подала индивидуальную жалобу в Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, который принял своё решение (соображения) 25 февраля 2016 года, поддержав все доводы заявительницы². Во-первых, Комитет указал, что законы, запрещающие приём на работу женщин на определённые должности, являются дискриминационными, и государства должны их отменить в соответствии с параграфами (d) и (f) статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*далее* — Конвенция)³. Во-вторых, нарушение Конвенции выразилось в отказе российских судов обеспечить эффективную защиту заявительницы от дискриминации в нарушение параграфа (c) и (e) статьи 2 Конвенции⁴. В-третьих, Комитет установил нарушение параграфов (b) и (c) пункта 1 статьи 11 Конвенции, поскольку заявительница не могла реализовать своё право на труд в соответствии с полученным образованием, так как работа в качестве моториста-рулевого автоматически предполагает вредные условия труда⁵. Тем самым она лишается равных с мужчинами возможностей доступа к поиску работы. Несмотря на установленную в постановлении Правительства России⁶ возможность принять на работу женщину, если рабочее место будет аттестовано как безопасное, фактически имеет место абсолютный запрет, по-

скольку создание безопасных условий труда зависит от усмотрения работодателя.

Наконец, относительно нарушения пункта (f) статьи 11 Конвенции Комитет отверг утверждение российских властей о том, что запрет на приём на работу женщин объективно обусловлен особенностями женского организма и необходимостью их защиты, поскольку, по общему правилу, государство должно обеспечить безопасные условия труда во всех отраслях, а не запрещать женщинам поступать на работу на определённые должности⁷.

Дело это представляет особый интерес не только потому, что затрагивает новые аспекты понятия дискриминации, но и потому, что вновь возвращает нас к дискуссии о различном толковании прав человека в практике международных органов и российского Конституционного Суда.

2. История вопроса

Запрет на привлечение женщин к вредным и тяжёлым видам работ существует ещё с советских времён, однако формулировка такого запрета претерпела существенные изменения. Так, статья 12 Кодекса законов о труде 1918 года прямо предусматривала, что все лица женского пола не имеют права на применение своего труда в ночное время или в отраслях особо тяжких или опасных для здоровья, список которых должен был ежегодно утверждаться⁸. Однако право на труд, гарантированное данным кодексом, фактически формулировалось как обязанность, поскольку им устанавливалась трудовая повинность для всех лиц, включая женщин (ст. 1), поэтому запрет на применение труда женщин означал освобождение от обязанности трудиться. Кодекс Законов о Труде РСФСР. 1922 года уже не использовал терминологию ограничения индивидуального права женщины на труд и устанавливал запрет на применение труда женщин в особо тяжёлых и вредных для здоровья производствах и подземных работах, а также в ночное время⁹. Такой запрет адресован, прежде всего, работодателю. При этом

² См.: Committee on the Elimination of Discrimination against Women. *Svetlana Medvedeva v. Russia*. Communication no. 60/2013, Views of 25 February 2016. UN Doc. CEDAW/C/63/D/60/2013 (*далее* — *Svetlana Medvedeva v. Russia*).

³ См.: Ibid. Para. 11.3.

⁴ См.: Ibid. Para. 11.4.

⁵ См.: Ibid. Para. 11.5.

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 года № 162 «Об утверждении перечня тяжёлых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 10. Ст. 1130.

⁷ См.: *Svetlana Medvedeva v. Russia*. Para. 11.7.

⁸ Кодекс законов о труде (принят ВЦИК) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.

⁹ Кодекс Законов о Труде РСФСР. (ст. 129 и 130) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

Народному Комиссариату Труда, по соглашению с Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов, предоставлялось право разрешать производство ночных работ взрослым женщинам в тех отраслях производства, где это «вызывается особой необходимостью», однако «безусловно не допускается ночная и сверхурочная работа беременных и кормящих грудью». Впоследствии аналогичные нормы были установлены в Кодексе законов о труде РСФСР 1971 года. В Основах законодательства Российской Федерации об охране труда 1993 года была предпринята попытка сузить сферу действия ограничения на применение труда женщин на тяжёлых работах и работах с вредными или опасными условиями труда путём указания на то, что этот запрет касается только женщин «детородного возраста»¹⁰. Однако Федеральный закон от 17 июля 1999 года № 181-ФЗ «Об основах охраны труда в Российской Федерации» уже не использовал такого ограничения и устанавливал общий запрет на использование труда женщин на тяжёлых работах и работах с вредными или опасными условиями труда (ст. 10)¹¹.

В соответствии со статьёй 253 действующего Трудового кодекса РФ применение труда женщин на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах не запрещается, а ограничивается. При этом такое ограничение не касается «нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию». В то же время абзац второй указанной статьи устанавливает запрет применения труда женщин на работах, связанных с подъёмом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы¹². Перечень производств, работ и должностей, на которых ограничивается, то есть фактически запрещается, применение труда женщин, утверждён постановлением Правитель-

ства РФ от 25 февраля 2000 года № 162. В этом перечне содержатся 456 профессий в 38 промышленных отраслях. Однако в этом постановлении сказано, что работодатель может принять решение об использовании труда женщин на запрещённых должностях, если им обеспечены безопасные рабочие условия, что должно быть подтверждено аттестацией рабочих мест¹³.

Попытки оспорить установленный в статье 253 Трудового кодекса РФ запрет предпринимались дважды. В 2009 году Анна Клевец, которой было отказано в зачислении на курсы по обучению на помощника машиниста поезда метрополитена, обжаловала соответствующий пункт постановления Правительства РФ от 25 февраля 2000 года № 162 в Верховный Суд РФ. Отказав в удовлетворении требований, Верховный Суд РФ указал, что такой запрет обусловлен «особенностями женского организма» и преследует цель создания условий для обеспечения «фактического равноправия женщин с мужчинами» введением «специальных правил охраны труда женщин, льгот и дополнительных гарантий их трудовых прав»¹⁴. При этом Верховный Суд отверг аргумент о дискриминационном характере запрета, поскольку он вызван «заботой государства о женщинах, нуждающихся в повышенной по сравнению с мужчинами социальной и правовой защите». В обоснование своего вывода Верховный Суд РФ сослался на положения Конвенции № 111 МОТ «Относительно дискриминации в области труда и занятий» от 25 июня 1958 года, которая не относит к дискриминации всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на специфических требованиях, связанных с определённой работой, а также на положения Декларации ООН «О ликвидации дискриминации в отношении женщин» от 7 ноября 1967 года, согласно которой меры, принятые для защиты женщин на определё-

¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации об охране труда, утв. ВС РФ 6 августа 1993 года № 5600-1 (ст. 6) // Российская газета. № 168. 1993. 1 сентября.

¹¹ Федеральный закон от 17 июля 1999 года № 181-ФЗ (ред. от 9 мая 2005 года, с изм. от 26 декабря 2005 года) «Об основах охраны труда в Российской Федерации» (утратил силу) // Российская газета. № 143. 1999. 24 июля.

¹² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

¹³ В обозначенном деле *С. Медведевой* предприятие провело такую аттестацию дважды, в 2010 и 2012 годах. Аттестация подтвердила, что рабочее место моториста-рулевого не соответствует санитарно-гигиеническим нормативам по уровню шума.

¹⁴ Решение Верховного Суда РФ от 2 марта 2009 года № ГКПИ09-36 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим в части пункта 374 раздела XXX Перечня тяжёлых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, утв. Постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 года № 162» // СПС «КонсультантПлюс».

ных видах работы с учётом физиологических особенностей их организма, не должны считаться дискриминационными (п. 3 ст. 10).

В последующем А. Клевец обратилась с жалобой в Конституционный Суд РФ, оспаривая конституционность статьи 253 Трудового кодекса РФ. Отказавшись признать дискриминационный характер установленного в этой статье запрета, Конституционный Суд в целом повторил логику аргументации Верховного Суда РФ, основанную на идее о защите женщин от «вредных» профессий¹⁵. Конституционный Суд объяснил это тем, что реализация принципа юридического равенства не может осуществляться без учёта общепризнанной социальной роли женщины в продолжении рода, что обязывает государство устанавливать дополнительные гарантии для женщин, в том числе в сфере трудовых отношений, направленные на охрану материнства. При этом психофизиологические особенности организма работающих приняты во внимание при установлении определённых ограничений для применения труда женщин, введённых в связи с необходимостью их особой защиты от вредных производственных факторов, негативно воздействующих на женский организм, прежде всего на репродуктивную функцию.

3. Соотношение правовых позиций Комитета ООН и Конституционного Суда РФ

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин согласился с заявительницей С. Медведевой по всем пунктам и, в отличие от Конституционного Суда в деле А. Клевец, признал ограничение на приём на работу женщин прямой дискриминацией по признаку пола. Дdiamетрально противоположные выводы членов Комитета ООН и судей Конституционного Суда обусловлены различными подходами к анализу утверждений о дискриминации, которые рассматриваются ниже.

¹⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 года № 617-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение её конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжёлых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин // СПС «КонсультантПлюс».

3.1. Допустимость ограничения прав женщин согласно Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

Принципиально различный подход Конституционного Суда РФ и Комитета ООН к анализу ключевого аргумента о дискриминации по признаку пола показывает, насколько неочевидным является толкование одних и тех же положений международных норм о правах человека при кажущейся их ясности.

В своём определении по делу А. Клевец Конституционный Суд РФ не использует терминологию ограничения индивидуального права на труд, а говорит об ограничении использования труда женщин. Такое ограничение адресовано не самим работницам или соискательницам работы, а работодателям, однако становится запретом именно для женщин, о чём судьи предпочитают не говорить. Основываясь на таком подходе, Конституционный Суд далее обращается к антидискриминационным гарантиям Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подтверждая, что она провозглашает принцип юридического равенства полов, так же как и часть 3 статьи 19 Конституции России. Вместе с тем, по мнению Конституционного Суда, принцип юридического равенства не является абсолютным, поскольку в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Конвенции принятие государствами-участниками «специальных мер, направленных на охрану материнства»¹⁶ не считается дискриминационным. Логическое толкование определения Конституционного Суда приводит к выводу, что такие меры могут выражаться в запрете доступа женщин к определённым профессиям.

Общим правилом толкования международного договора в соответствии со статьёй 31 Венской конвенции о праве международных договоров является толкование договора добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Хотя понимание статьи 4 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин Кон-

¹⁶ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 02.08.2016).

ституционным Судом как санкционирующее ограничение женщин в праве на труд может на первый взгляд показаться верным, обращение к объекту и цели Конвенции демонстрирует ошибочность подобного толкования. Цель Конвенции состоит в том, чтобы гарантировать женщинам «осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами» (ст. 3)¹⁷. В духе данной цели ни одна из статей Конвенции не говорит о возможности какого-либо ограничения прав женщин или предоставления какой-либо защиты женщине против её собственной воли. Соответственно, объектом Конвенции являются различные законодательные и практические меры, призванные гарантировать формальное и фактическое равенство женщин.

В отличие от Конституционного Суда РФ, Комитет ООН не обращается к статье 4 Конвенции, тем самым соглашаясь с заявительницей в том, что эта статья не может служить оправданием для ограничения права женщины на доступ к профессии и тем самым поощрять разницу в обращении по признаку пола.

Действительно, государства могут принимать специальные меры, направленные на охрану материнства, однако такие меры должны способствовать доступу женщин на рынок труда для преодоления фактического неравенства, а не исключать возможности трудоустройства для женщин. Например, речь может идти о праве на сокращённый рабочий день, обязанности работодателя соблюдать гендерный баланс при заполнении рабочих мест и прочем. При этом, как указывал Европейский Суд по правам человека в делах о доступе мужчин к социальным мерам, предоставляемым женщинам, так называемые «позитивные дискриминационные меры» должны быть пропорциональны цели коррективной, компенсации или смягчения длящихся последствий страданий, перенесённых исторически ущемлённой группой, такой как женщины¹⁸. Такого же толкования статьи 4 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин придержива-

ется и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин¹⁹.

В связи с этим для констатации дискриминации не имеет значения тот факт, что ограничение на доступ женщин к определённым профессиям преследовало цель защитить женщин от неблагоприятных производственных факторов и не имело намерения поразить их в правах по сравнению с мужчинами. Дискриминационное отношение может иметь место и в отсутствие соответствующего умысла, когда, тем не менее, в результате такой меры женщины подвергаются менее благоприятному обращению, чем мужчины²⁰.

3.2. Оправдание разницы в обращении особой социальной ролью женщины

Запрет, установленный в статье 253 Трудового кодекса РФ, имеет легитимную цель защитить здоровье женщины от воздействия вредных факторов, в том числе с учётом их возможного негативного влияния на репродуктивную функцию женского организма. Хотя Конституционный Суд РФ прямо не говорит об этом, но с его точки зрения такая цель очевидно перевешивает индивидуальные интересы женщины, претендующей на работу в равных с мужчинами условиях. В своём решении Комитет ООН, не отвергая значимость цели охраны женского здоровья, объясняет, почему такой «принудительной» защите женщины нет места в системе конвенционных гарантий.

Статья 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин закрепляет обязательство воздерживаться от любых дискриминационных актов и отменить существующие дискриминационные законы²¹. По мнению Комитета, установленное

¹⁷ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

¹⁸ См.: European Court of Human Rights (*далее* – ECtHR). *Runke and White v. the United Kingdom*. Applications nos. 42949/98, 53134/99. Judgment of 10 May 2007. Paras. 37, 40–43.

¹⁹ См.: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 25 по пункту 1 статьи 4 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин о временных специальных мерах. Принята на 30-й сессии (2004). URL: [http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/General%20recommendation%2025%20\(Russian\).pdf](http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/General%20recommendation%2025%20(Russian).pdf) (дата обращения: 02.08.2016).

²⁰ См.: ECtHR. *D.H. and Others v. Czech Republic* [GC]. Application no. 57325/00. Judgment of 13 November 2007. Para. 184.

²¹ См. подробнее: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 28, касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята на 47-й сессии (2010). Док. ООН CEDAW/C/GC/28, 16 декабря 2010 года. URL: [http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/General%20recommendation%2028\(Russian\).pdf](http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/General%20recommendation%2028(Russian).pdf)

в статье 253 Трудового кодекса РФ ограничение отражает «существующие стереотипы относительно роли и обязанностей женщин и мужчин в семье и в обществе и в результате поддерживает традиционное представление о роли женщины как матери и жены, уменьшая тем самым социальный статус женщины и её образовательные и карьерные перспективы»²².

Хотя Комитет ООН недвусмысленно указал на несоответствие Конвенции запрета на трудоустройство заявительницы в качестве капитана речного судна, остаётся открытым вопрос о том, может ли в принципе быть оправдано ограничение на доступ к профессиям для женщин по причине вредного влияния производственных факторов на их репродуктивную функцию. Ограничение на работу имеет целью оградить репродуктивное здоровье женщины от воздействия вредных производственных факторов (в данном случае от повышенного уровня шума), что было принято во внимание Конституционным Судом РФ, однако Комитет отметил, что ему не было представлено каких-либо научных доказательств того, что включение профессии моториста-рулевого в перечень запрещённых профессий основано на научных данных о негативном влиянии шума на женский организм²³. В любом случае, как указал Комитет ООН, законы должны в «равной мере защищать право мужчин и женщин на безопасные условия труда, учитывая при этом специальные риски для их здоровья»²⁴. Тем самым Комитет ООН фактически отверг возможность оправдания подобных ограничений даже научно подтверждёнными данными.

Идеология защиты прав уязвимых групп нередко используется для оправдания ограничений прав человека в «лучших интересах» таких людей, в частности посредством защиты индивида от собственных «неразумных» действий. В рамках такой идеологии то, что в наилучшей степени отвечает интересам отдельного человека, определяется некими

общими представлениями об общественных ценностях, как в случае с ограничением права на труд с «вредными» условиями, или представлениями другого человека, который наделён правом принимать решения вместо самого индивида, что имеет место в случае ограничения дееспособности. Такой патерналистской идеологии защиты вряд ли есть место в современном международном праве прав человека. В частности, первым принципом Конвенции о правах инвалидов называется уважение личной самостоятельности и независимости человека, включая свободу делать свой собственный выбор²⁵. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин прямо не называет уважение свободного волеизъявления в качестве ключевого принципа, однако говорит о праве женщины на *свободный* выбор профессии или рода работ²⁶.

В деле *Константина Маркина* Конституционный Суд РФ объяснил «особой, связанной с материнством» социальной ролью женщины в обществе объективную необходимость предоставления отпуска по уходу за ребёнком военнослужащим-женщинам, но не мужчинам, в связи с чем отказался признать такую разницу в обращении дискриминацией²⁷. С таким объяснением не согласился Европейский Суд по правам человека, указав, что достижение гендерного равенства в настоящее время является главной целью государств — участников Совета Европы, в связи с чем только «особо важные причины» могут послужить тому, чтобы различие в обращении могло считаться совместимым с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод²⁸. В обоснование такого вывода

refworld.org.ru/publisher.CEDAW.GENERAL.,52d922f84,0.html (дата обращения: 02.08.2016).

²² Ранее Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин подверг критике подобные ограничения в своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации. См.: UN Doc. CEDAW/C/RUS/CO/8, 21 December 2015, Paras. 33–34.

²³ См.: *Svetlana Medvedeva v. Russia*. Para. 11.3.

²⁴ См.: *Ibid*.

²⁵ Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года. Ст. 3. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 02.08.2016).

²⁶ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Ст. 11(1)(с).

²⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 года № 187-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ См.: ECtHR. *Konstantin Markin v. Russia* [GC]. Application no. 30078/06. Judgment of 22 March 2012. Para. 127.

Европейский Суд сослался на положение Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая требует от государств изменить «социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин». В итоге Европейский Суд пришёл к выводу, что ссылки на традиции, общие правила или преобладающее общественное мнение в отдельной стране являются недостаточными для оправдания различия в обращении по признаку пола, поскольку государствам запрещено поощрять традиции, которые отводят мужчинам главенствующую, а женщине второстепенную роль в семье²⁹.

3.3. Позитивные обязательства государства по обеспечению безопасных условий труда для женщин

Одним из аргументов Конституционного Суда РФ в деле *А. Клевец*, а равно и российских властей в ходе рассмотрения жалобы С. Медведевой в Комитете ООН являлось то, что установленный в статье 253 Трудового кодекса РФ запрет на трудоустройство женщин в действительности не является абсолютным, поскольку, согласно примечанию к постановлению Правительства РФ от 25 февраля 2000 года № 162, в случае обеспечения работодателем безопасных рабочих условий он может принять решение об использовании труда женщин на «запрещённых» должностях.

Отстаивая своё право работать мотористом-рулевым, С. Медведева требовала от пассажирского предприятия создания таких безопасных условий труда, в чём ей было отказано, а суды, рассматривавшие это дело, указали, что у работодателя нет подобной обязанности. В деле *А. Клевец* в Конституционном Суде вопрос о наличии у работодателя обязанности обеспечить безопасные условия труда как гарантии равного доступа женщин к «мужским» профессиям напрямую не ставился, тогда как в деле в Комитете ООН это был один из ключевых вопросов.

Согласно статье 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, государства-участники принимают все «соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области занятости», с тем чтобы обеспечить женщинам равные права с мужчинами. В частности, это включает в себя право на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме³⁰, право на свободный выбор профессии или рода работы, на продвижение в должности и гарантию занятости³¹, а также право на охрану здоровья и безопасные условия труда, в том числе по сохранению функции продолжения рода³². Комитету ООН предстояло ответить на вопрос о том, каков объём обязательств государств с учётом этих положений Конвенции, в частности, должны ли государства требовать создания безопасных условий труда от работодателей — частных лиц.

В своём решении Комитет подчеркнул тот факт, что образование заявительницы в любом случае предполагало работу в опасных, с точки зрения санитарных правил, условиях труда, в связи с чем она была фактически лишена возможности работать по специальности судоводителя, полученной в колледже³³. При этом создание безопасных условий труда для женщин не является обязанностью работодателя, а целиком зависит от его доброй воли. По мнению Комитета, это является дискриминацией, так как Конвенция требует от государств создания безопасных условий труда в равной степени для мужчин и для женщин, а не ограничения занятости женщин в определённых областях.

При этом Комитет ООН принял во внимание тот факт, что в российском законодательстве нет специального ограничения для работы в небезопасных условиях труда для мужчин, даже если известны риски для их репродуктивного здоровья³⁴.

³⁰ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Статья 11(1)(b).

³¹ Там же. Статья 11(1)(c).

³² Там же. Статья 11(1)(f).

³³ См.: *Svetlana Medvedeva v. Russia*. Para. 11.5.

³⁴ См.: Гигиеническая оценка вредных производственных факторов и производственных процессов, опасных для репродуктивного здоровья человека. Методические рекомендации № 11-8/240-09, утв. Минздравом РФ 12 июля 2002 года // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ См.: Ibid.

Тем не менее решение Комитета ООН не отвечает на вопрос о том, каков объём обязательств государств в отношении поведения частных лиц, ведь в ситуации заявительницы создание безопасного рабочего места требует финансового решения самой компании-работодателя. Согласно параграфу (е) статьи 2 Конвенции, государства-участники обязуются принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо «лица, организации или предприятия». В своих решениях и заключительных замечаниях Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин неоднократно подтверждал, что Конвенция налагает на государство обязательство создать систему юридической защиты от злоупотреблений со стороны частных лиц³⁵. Должно ли государство при этом требовать принятия позитивных мер для преодоления дискриминации за счёт средств частных лиц, решение Комитета ООН не объясняет. Однако если обратиться к иным международным инструментам, в частности к Конвенции ООН о правах инвалидов, то такие меры не исключаются, но ограничиваются требованием о «разумном приспособлении», то есть о «внесении, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоизмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод»³⁶. Возможно, такая же логика может быть использована и в случае антидискриминационных мер для достижения фактического равноправия женщин³⁷. Разумным приспособлением

может стать не только модернизация оборудования, но и разработка определённого графика с целью минимизации вредного воздействия шума мотора на организм женщины или применение средств индивидуальной защиты. В любом случае, у государства всегда остаётся возможность отменить соответствующие запреты.

4. Эффективная защита от дискриминации

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин требует от государств-участников не только выполнения ряда конкретных мер по преодолению дискриминации в отношении женщин, но и устанавливает общее обязательство обеспечить эффективную судебную защиту от дискриминации. В *деле Светланы Медведевой* Комитет установил нарушение пунктов (с) и (е) статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, поскольку российские суды отказались рассматривать утверждение заявительницы о её дискриминации и отказались обязать частную компанию создать необходимые условия труда. По мнению Комитета, это фактически означало оправдание судами дискриминации заявительницы со стороны компании и отказ в обеспечении эффективной защиты от дискриминации³⁸.

Вопрос об эффективности российской судебной системы в отношении защиты от дискриминации подробно рассматривался и в практике Европейского Суда по правам человека. В связи с этим Суд указал, что в рамках своих обязательств по статье 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод государства должны не только воздерживаться от установления необоснованных ограничений, но и надлежащим образом реагировать на такие ограничения со стороны частных лиц. Так, в деле *«Даниленков и другие (Danilenkov and Others) против России»*, которое касалось различных мер, принятых администрацией частной компании (закрытого акционерного общества «Морской торговый порт Калининград») с целью

³⁵ См.: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 19 (Насилие в отношении женщин), § 9. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf (дата обращения: 02.08.2016); Общая рекомендация № 28, § 19; Committee on the Elimination of Discrimination against Women. *Alyne da Silva Pimentel v. Brazil*, Communication No. 17/2008, Views of 27 September 2011, UN Doc. CEDAW/C/49/D/17/2008, Para. 7.5; *Vertido v. The Philippines*, Communication No. 18/2008, Views of 16 July 2010, Para. 8.4; *Şahide Goekce v. Austria*, Communication No. 5/2005, Views of 6 August 2007, Para. 12.1.4; *Fatma Yildirim v. Austria*, Communication No. 6/2005, Views of 6 August 2007, Paras. 12.1.2, 12.1.5.

³⁶ Конвенция о правах инвалидов. Статья 2.

³⁷ См.: *Waddington L., Hendriks A.* The Expanding Concept of Employment Discrimination in Europe: From Direct and Indirect Discrimination to Reasonable Accommodation Discrimina-

tion // *The Industrial Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. Vol. 18. 2002. No. 4. P. 403–427.

³⁸ См.: *Svetlana Medvedeva v. Russia*. Para. 11.4.

понуждения заявителей к отказу от своего членства в профсоюзной организации, Суд пришёл к выводу о нарушении статьи 14 в сочетании со статьёй 11 в связи с отказом судов рассмотреть утверждения заявителей о дискриминации по признаку членства в профсоюзе и обеспечить надлежащую судебную защиту в связи с этим (нарушение позитивного обязательства)³⁹. Суд подчеркнул, что лица, пострадавшие от дискриминации, должны иметь возможность обжаловать подобное отношение и реализовать право на обращение в суд с целью возмещения ущерба и использования других средств защиты. Следовательно, государства обязаны создать судебную систему, которая обеспечит реальную и эффективную защиту от дискриминации по признаку членства в профсоюзе⁴⁰.

5. Правовые последствия решения Комитета в свете позиций Конституционного Суда РФ

В своём решении Комитет потребовал от российских властей предоставить заявительнице необходимую компенсацию, а также обеспечить содействие заявительнице в доступе к работе согласно её квалификации. Помимо исправления индивидуальной ситуации заявительницы, Комитет указал также общие меры, которые должны быть приняты российскими властями. В частности, речь идёт о необходимости пересмотра статьи 253 Трудового кодекса и периодической корректировке списка запрещённых профессий и отраслей, установленных постановлением Правительства № 162, с тем чтобы такие исключения, применяемые только к женщинам, были строго ограничены мерами, которые направлены на охрану материнства в строгом смысле этого слова, а также мерами, которые предоставляют особые условия для беременных женщин и кормящих матерей и не препятствуют доступу женщин к занятости и их вознаграждению на основе гендерных стереотипов. После сокращения перечня запрещённых профессий государство должно поощрять и облегчать доступ женщин к ранее запрещённым работам посредством

улучшения условий труда и принятия соответствующих временных специальных мер для поощрения такого доступа. Позицию Комитета ООН можно истолковать как обращённое к государству требование о прогрессивной реализации антидискриминационного положения трудового законодательства применительно к установлению общих ограничений для использования труда женщин в определённых отраслях и только там, где это обусловлено объективно установленным риском серьёзного и неизбежного вреда для здоровья женщины. Однако требование об отмене запрета на доступ к тем работам, где такой риск не является очевидным и серьёзным, должно рассматриваться как обязательство, требующее немедленной реализации. Последнее касается также ситуаций, в которых доступ к профессии представляется более значимым интересом в индивидуальной ситуации женщины, претендующей на получение соответствующей работы, чем защита её репродуктивной функции, например как в ситуации заявительницы С. Медведевой, имеющей двоих детей и стремящейся получить повышение по службе⁴¹.

Вопрос о возможности пересмотра решений российских судов на основе соображений Комитета, по аналогии с постановлениями Европейского Суда по правам человека или Конституционного Суда РФ, напрямую не урегулирован. Применительно к соображениям Комитета по правам человека Конституционный Суд РФ ранее указал на возможность такого пересмотра с учётом необходимости добросовестного и ответственного выполнения соображений Комитета в рамках добровольно принятых на себя Россией международно-правовых обязательств⁴².

Однако реализация соображений Комитета ООН по делу С. Медведевой осложняется тем, что позиция международного органа входит в противоречие с позицией Конституционного Суда РФ по этому же вопросу.

Вопрос о соотношении позиций контрольных органов ООН по правам человека уже не

⁴¹ Svetlana Medvedeva v. Russia. Para. 11.5.

⁴² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 1248-О по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 1.

³⁹ ECtHR. *Danilenkov and Others v. Russia*. Application no. 67336/01. Judgment of 30 July 2009.

⁴⁰ См.: Ibid. Para. 124.

в первый раз возникает в практике Конституционного Суда РФ. Так, в Постановлении от 23 сентября 2014 года Конституционный Суд РФ отказался применить вывод Комитета по правам человека о явно дискриминационном характере закона Рязанской области о запрете «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних» с точки зрения Международного пакта о гражданских и политических правах⁴³. Тем не менее в своём решении Конституционный Суд никак не высказался о значении соображений Комитета по правам человека в данном споре, фактически оставив открытым вопрос о соотношении собственного подхода к дискриминации представителей сексуальных меньшинств с подходом международных органов по правам человека.

В Постановлении от 19 апреля 2016 года Конституционный Суд РФ рассмотрел возможность исполнения Постановления Европейского Суда по правам человека по делу *Анчугов и Гладков против России*⁴⁴ на основании новых полномочий, предоставленных Конституционному Суду в 2015 году⁴⁵. Конституционный Суд пришёл к выводу о невозможности реализации позиции Европейского Суда по данному делу с учётом её противоречия императивной норме российской Конституции, лишавшей избирательных прав осуждённых, отбывающих наказание в виде лишения свободы⁴⁶. В отличие от данной ситуации в *деле С. Медведевой* нет прямого противоречия позиции Комитета ООН поло-

жениям российской Конституции. С учётом этого представляется, что позиция Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в решении по делу С. Медведевой не исключает его реализацию в правовой системе России, но, безусловно, требует признания приоритета конвенционных обязательств перед соответствующими положениями трудового законодательства. Важную роль в этом процессе может сыграть Конституционный Суд РФ, который не раз признавал возможность прогрессивного толкования Конституции и изменения собственных правовых позиций в свете «современных стандартов прав человека»⁴⁷. Это будет способствовать продолжению конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с международными контрольными институтами прав человека, важность которых подчеркнул Конституционный Суд РФ в деле *Анчугова и Гладкова*, оставив тем не менее право последнего слова в этом диалоге за собой⁴⁸.

Библиографическое описание:

Бартенев Д. Запрещённые профессии для женщин: новый повод для диалога Конституционного Суда России и Комитета ООН? // Международное правосудие. 2016. № 3 (19). С. 37–47.

Prohibited professions for women: a new cause for the dialogue between the Russian Constitutional Court and a UN Committee?

Dmitri Bartenev

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, Faculty of Law, St. Petersburg State University (e-mail: d.bartenev@spbu.ru).

Abstract

In 2016 the UN Committee on the Elimination of Discrimination Against Women (the CEDAW) adopted its views in the first case against Russia by Svetlana Medvedeva who had been banned from becoming a helmsperson-motorist with a Russian river navigation company. The UN Committee criticized as discriminatory the list of prohibited jobs for women which included over 400 professions. The CEDAW acknowledged that the prohibition was

⁴³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 года № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489. Речь идёт о Соображениях Комитета по правам человека ООН по жалобе *Федотова против России* от 21 октября 2012 года Док. ООН CСРР/С/106/D/1932/2010.

⁴⁴ ECtHR. *Anchugov and Gladkov v. Russia*. Applications nos. 11157/04, 15162/05. Judgment of 4 July 2013.

⁴⁵ См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

⁴⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480.

⁴⁷ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 года № 15-П по делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Дубкова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 29. Ст. 4167.

⁴⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П. Пункт 4.4 мотивировочной части.

motivated by the need to protect women from harmful work conditions however, unlike the Russian Constitutional Court in a similar case, rejected such justification as manifestly discriminatory. The article discusses the difference in approaches to understanding discrimination against women between the CEDAW Committee and the Russian Constitutional Court. The author provides a brief historical overview of the legislative measures restricting women's access to "harmful" professions in the Soviet times and in modern Russia as well as an unsuccessful attempt to challenge this ban through the constitutional complaint. The analysis of the legal reasoning of the Russian Constitutional Court reveals conceptual differences to understanding discrimination against women between this Court and the CEDAW. The article argues that paternalistic approach of the Constitutional Court based on the doctrine of a "special social role" of a woman sits ill with the interpretation of the Convention under the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. The author suggests that the Russian Constitutional Court can still play a key role in implementing the views of the CEDAW Committee in the Russian legal system by reversing its previous findings and by means of progressive interpretation of the constitutional equality provisions in light of the modern human rights standards.

Keywords

UN Committee on the Elimination of Discrimination Against Women; equality; gender-based discrimination; right to work.

Citation

Bartenev D. (2016) Zapreshchyonnye professii dlya zhenshchin: novyy povod dlya dialoga Konstitutsionnogo Suda Rossii i Komiteta OON? [Prohibited professions for women: a new cause for the dialogue between the Russian Constitutional Court and a UN Committee?]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 37–47. (In Russian).

References

- Batsvin N. (2013) Analiz sudebnoy praktiki po delam, svyazannym s diskriminatsiyey na rabote [Analysis of Court Cases Related to Labour Discrimination]. *Trudovoe Pravo*, no. 4, pp. 19–38. (In Russian).
- Waddington L., Hendriks A. (2002) The Expanding Concept of Employment Discrimination in Europe: From Direct and Indirect Discrimination to Reasonable Accommodation Discrimination. *The Industrial Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*, vol. 18, no. 4, pp. 403–428.